

ТАЛАНТ — ЕДИНСТВЕННАЯ НОВОСТЬ...

Это были ожидаемые чудеса, которые рано или поздно в тех или иных спектаклях должны были произойти. Просто сошлись предназначенные друг для друга Актриса и Роль.

КАК много ироничных, порой жестоких слов находится для разговора, кажется, бесконечного до назойливости, когда мы требуем от театра потрясений, возможности над вымыслом облиты слезами, обжигающей мысли, которая держит паузу после финала и заставляет забыть об аплодисментах.

И как мучительно трудно являются слова, которыми надо рассказать о потрясении. Может быть, они боятся неуклюже, неловко прикоснуться к оголенному нерву таланта? Или просто я, взявшись за эти заметки, никак не могу поверить алгеброй гармонию, что ода-рила за какой-то месяц трижды. Это были ожидаемые чудеса.

Должна была вот так буднично и празднично одновременно выйти на сцену худенькая женщина, принеся с собой кошелку продуктов, а еще — уют и тепло, которых достало и сцене, и залу. Достало на весь трудный, горький кусок ее жизни, когда «опустошалось» все, а излучение тепла и уюта оставалось доколе была еще на сцене эта женщина. Уже совсем одинокая среди пустых стен...

Но это будет позже, потом. А пока она странным и нежным голосом, которому дано властвовать над нами, торжественно произносила свои первые слова: «Сегодня такой Привоз, сынок... Не Привоз, а праздник в честь вашего приезда. Ты когда-нибудь видел такую курицу? Красавица, а? И я всего только полчаса торговалась из-за нее. Но к резнику не пошла, раз, думаю, мой сын хирург...» Пять строк текста. Каким образом актрисе удалось рассказать ими, что она старая одесситка, что мудра до наивности, что ласково-иронична, что пришла сюда к своему очагу, у которого случилось всякое, но пока он горит — она его хранительница. Что надо уметь радоваться жизни и что мудрость есть любовь, а любовь есть мудрость... Всего пять строк. Но, думаю, не осталось в зале человека, который бы не влюбился в эту прелестную женщину, напоминающую постаревшую Золушку, — Римму Быкову — маму Розу. Маму трех сыновей — ну совсем, как в той старой песне, удачно вспомненной в спектакле Московского драматического театра имени К. С. Станиславского «Улица Шолом-Алейхе-

ма, 40» режиссером А. Товстоноговым: «Снова годовщина, но три любимых сына не стучатся у ворот...».

Старший сын — моряк — погиб в Отечественную, а двое других — известный ученый и преуспевающий врач — прилетели из Москвы и постучались... И с ними постучалась на сцену трагедия. И говоря в общем самые обыденные слова, и напевая песню, и даже лихо и изящно отплясывая, героиня Быковой будет догадываться, зачем приехали дети, и гнать от себя эту страшную догадку. И молчаливый мучительный вопрос в ее огромных трагических глазах пронзит такой болью, что в зале не застыдят слез.

А Римма Быкова, эта непредсказуемая в каждый момент своего существования на сцене актриса, или мама Роза, узнав все из разговора с внучкой, вдруг спросит: «Скажи, ты умеешь готовить и стирать?» — «Я? Зачем? У нас же домработница». — «А постельное белье кто вытряхивает по утрам на балконе?» — «Никто». — «Ну конечно, можно ли после этого удивляться, что они пришли к такому решению»...

А решение — эмигрировать. Трагедия слабого человека вызывает жалость. Трагедия сильного — боль. И маленькая сильная Роза, которой дети предложили бросить Дом в том огромном смысле, когда четыре стены, старый буфет, двор, соседи вместе являются судьбой, свидетелями и соучастниками прожитых лет, решает ехать с сыновьями и трогательно нелепо уговаривает мужа, что «там» они вступят в партию прогрессивной организации. Мать, жившая ежедневной надеждой увидеть своих сыновей, боится эту надежду навсегда потерять. И кажется, физически ощутишь рвется ее сердце между вечными этими любовями: дочерней — к Родине и материнской — к сыновьям.

Она что-то делает, говорит, устраивает, хлопочет — трогательный, порой нелепый, мгновениями лихой до отчаянности человек, борясь с трагедией, не пуская ее в душу, а та догоняет самоубийством мужа и оставляет Розу навсегда здесь, дома, на Родине.

И когда на сцене остается одна эта женщина и вот сейчас тем же странным и милым голосом произнесет свой последний в спектакле монолог, в зале долго еще не раздадутся аплодисменты, потому что

...тут кончается искусство
И дышат почва и судьба.

«УЛИЦА Шолом-Алейхема, 40» названа автором А. Ставницким «драматической повестью». Слово «трагедия» не произнесено. Как просто — «спены» — определил М. Горький «Зыковых». Но и этот спектакль Малого театра, какой-то нарочито неторопливый, негромкий, возвышает до трагедии судьба Софьи, сыгранной Натальей Вилькиной.

Хотя, казалось бы, трагичен и крах поздней любви Антипы Зыкова и его сына Михаила, чью невесту увел отец, да и вся жизнь загнала в такой смердящий угол, что только

самоубийством можно помочь себе, но и оно не удастся. Срывающиеся, рефлексирющие, истеричные герои спектакля живут где-то на втором плане, даже если играют на первом. А тревожно следишь за каждым словом, шагом, жестом высокой, красивой, нарочито, словно назло судьбе, ухоженной Софьи. Все и всех успокаивающей, примиряющей, нянчащей.

От нее каждую минуту ждешь взрыва, слова, — ведь не может же живой человек, умный (а героиня Вилькиной и умна, и остроумна, но лишь несколькими хлесткими фразами позволяет актриса увидеть «чертовщину», задорную женскую привлекательность своей героини да порой ироничная полуулыбка скользит по губам) один биться со всеми и за всех. Собирает, сколачивает, мирит рассыпающееся семейство, беря на себя бремя решений. От финансовых до нравственных.

И эту добровольную «каторгу» выбирает себе в долю не монашка, а королева. По праву красоты, ума, таланта. И ощущающая это право — вот что трагично. А реализовать не смеющаяся. Из-за нравственных принципов: сохранения Зыковых, и из-за куда более прозаической причины: нет ей здесь равных. И блестящая сцена сватовства Хеверна, когда актриса почти молчит, но так наблюдает за потугами высказаться лощеного претендента, с такими иронией и горечью и мгновениями тщательно скрываемой безнадежностью, что боль пронзает сердце.

И не конфликт «отцов» и «детей», а конфликт достоинства и мелочности, конфликт страстей, зажатых в кулак воли, конфликт, точнее, борьба человека с собой — во имя окружающих — выходят на первый план.

И задевает душу, будоражит мысль это умение так нерасчетливо сдерживать себя... И

Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку...

И, НАКОНЕЦ, трагедия, названная трагедией, ей. Пусть не самим автором Виктором Гюго, но историей драматургии. «Мария Тюдор» — произведение, которое обвинялось в напыщенности и преувеличении. И Юлия Борисова, играющая главную интриганку и главную жертву интриги, своим умением изящно жонглировать интонациями, мгновенно переходить из одного состояния в другое, Борисова, чей регистр чувств на сцене сравним разве что с диапазоном голоса Имы Сумах, здесь на-

столько естественна, настолько в своей стихии, что если и говорить о напыщенности и преувеличении, то в адрес кордебалета из лордов, тормозящих действие.

Когда же на сцене Мария — царственная и горемычная, озлобленная и молящая, — есть подлинность судьбы женщины, поставленной перед жестоким выбором: корона или страсть. Сияющая, будто разом помолодевшая в объятиях любимого — и мгновение спустя произнесенное — «какая дивная голова!» — с такой иронично-многозначительной интонацией, которая намекает не на любовь — на плаху. Задумчиво присевшая, оперевшись на топор на лобном месте, — и метущаяся, как раздраженная тигрица под звуки колокола, предвещающие казнь. Вдохновенно и небрежно лгушая: «Впрочем, если бы у нас и не было доказательств, мы их создадим, недаром мы носим корону!» — и пять минут (состоящих из гнева, раздражения, вульгарности, величия) — елейные похвалы в адрес презираемых вельмож и следом целый спектакль, разыгранный для них. Кем? Марией Тюдор? Юлией Борисовой?

Просто сошлись в одном спектакле предназначенные друг для друга Актриса и Роль. И не могла столько лет продававшая свой звездный час Римма Быкова не встретиться с удивительной своей Розой Марголиной. Я не умаляю достоинства всего ансамбля, всех участников спектакля, но именно Римме Быковой дано было сотворить в нем чудо. Маленькой женщине и очень большой актрисе.

И сильная, умная, своеобразная Наталья Вилькина не могла не наделить своими чертами Софью Зыкову. И сделать это естественно, тонко и, что называется, ко времени. Тем более что работала над ролью со «своим» режиссером Л. Хейфецом.

И должна была, наконец, Юлия Борисова встретиться с Марией Тюдор, вернее, «обернуться» ею...

Сменяется времен суровость,
Теряют новизну слова.
Талант — единственная новость,
Которая всегда нова.

С. ОВЧИННИКОВА.

© Римма Быкова («Улица Шолом-Алейхема, 40»), Наталья Вилькина («Зыковы») и Юлия Борисова («Мария Тюдор»).
Фото М. Чернова, В. Петрусовой и И. Ефимова.